

Глава 26. Наставления и старые знакомые

Как и предсказывал Цинь Вань, глава Ян Муянь прибыл в отель «Приют вечного спокойствия» на следующий день после того, как в городе собрался весь цвет боевого мира. Он не спешил, выбрав для своего появления самый знойный час — полдень, когда солнце палило немилосердно.

Весна клонилась к закату, и в воздухе уже дрожало первое летнее марево. В такое время улицы обычно пустели: люди прятались в тени, поддавшись полуденной неге, и даже самые бодрые горожане предпочитали вздремнуть часок-другой.

Кадки с растениями, расставленные накануне у входа в отель «Приют вечного спокойствия», поникли под палящими лучами. Цинь Ваню то и дело приходилось просить слуг обрызгивать их водой, чтобы сохранить хоть какую-то свежесть и бодрость листвы.

Старейшины и ученики великих школ не разошлись по своим покоям. Томимые любопытством и сомнениями, они собрались в главном зале, желая воочию увидеть таинственного главу секты, который доселе никогда не являлся миру.

Выход Ян Муяня был обставлен с истинно имперским размахом. Десять дюжих молодцов несли на плечах массивное ложе из сандалового дерева, на котором могли бы свободно разместиться несколько человек. Плотные занавеси бледно-бирюзового цвета скрывали того, кто находился внутри; даже налетавший ветерок не мог шелохнуть тяжелую ткань. Лишь по краям балдахина колыхались легкие ленты чуть более темного оттенка, покорно следуя за каждым дуновением.

Носильщики — все как один рослые мужчины — выглядели необычно: головы обмотаны черной тканью, в одном ухе — массивное кольцо. На них были черные куртки без воротников, широкие штаны и плетеные пояса из ротанга. Сквозь прорези одежды на смуглой коже виднелись темные татуировки: на запястьях застыли в полете птицы, а на ногах раскинулись густые леса.

Рядом с носилками кружились девушки. На головах — серебряные обручи шириной в ладонь, длинные волосы распущены по плечам. Их наряды — короткие безрукавки цвета индиго и полосатые красно-черные юбки — подчеркивали гибкость фигур. Девушки шли босиком, и при каждом шаге на их щиколотках позвякивали бамбуковые кольца. Талию стягивали широкие пояса из красной ткани и десятки тонких ротанговых колец. В ушах качались огромные серебряные круги, касавшиеся плеч, а шеи украшали массивные гривны и тонкие цепочки.

Диковинные девицы, сплетаясь руками, то кружились в танце, то выделяли причудливые па, оглашая воздух песнопениями на неведомом языке. На их запястьях сверкали широкие браслеты, испещренные загадочными узорами.

Процессию замыкали и сопровождали воины с длинными клинками за поясом и матерчатыми сумками через плечо. Одеты они были так же, как и носильщики, но в их облике сквозило нечто куда более грозное и мрачное.

Столь диковинное шествие должно было собрать толпы зевак, но прохожие, попадавшие на пути, словно не замечали происходящего. Они замирали с отсутствующим взглядом, на их лицах проступали странные, блуждающие улыбки. Лишь когда эскорт Ян Муяня скрывался из виду, люди встряхивались, будто пробуждаясь от долгого сна, и, испуганно озираясь, спешили по своим делам.

В главном зале отеля поначалу не смолкали смех и разговоры, но после обеда на собравшихся навалилась дремота. Даже приказчик с хозяином, пристроившись за конторкой, то и дело клевали носом.

Янь Наньюй, казалось, вовсе не придавал значения прибытию главы учения Тай-и. Закончив трапезу, он увел Янь Цина в комнату отдыхать. Те Сюань порывался остаться, но он настоял на своем и буквально утащил его за собой.

Кузнец не сомкнул глаз всю ночь. Он снова и снова прокручивал в голове вчерашний разговор, гадая, как у него только язык повернулся сказать такое. Душа болела за Цинь Ваня — Те Сюань боялся, что тот натворит бед.

У него не было ни капли симпатии к так называемым праведным школам, но если Цинь Вань задумал недоброе, Те Сюань считал своим долгом его остановить. Кузнец твердо знал: тот ошибается. Нельзя построить что-то стоящее на крови и жертвах.

В деревне старый мастер Те всегда говорил ему: в каждом клинке — пот и частица души мастера, и ничего не дается даром. Так и в жизни. Ковать меч — значит ковать самого себя.

Те Сюань понимал, что не силен в речах, но ясно видел: один неверный шаг потянет за собой череду новых ошибок. Однако, как бы медленно ни соображал кузнец, он чувствовал себя глубоко уязвленным. Вчерашний взгляд Цинь Ваня — полный такой боли, будто его ужалил скорпион, — преследовал его даже во сне, заставляя просыпаться в холодном поту.

Если бы только можно было начать всё сначала! Если бы между ним и Цинем не стояли смерти мастера Те и Тысячерукого Будды. Если бы он никогда не открывал своих чувств...

Если ценой правды стала потеря даже названного братства, Те Сюань предпочел бы, чтобы эта тайна сгнила вместе с ним.

Но теперь было слишком поздно.

Те Сюань наблюдал за тем, как Янь Наньюй заботливо поправляет постель для Янь Цина, как ласково уговаривает его прилечь, безропотно снося любые капризы. В сердце кузнеца шевельнулась невольная зависть. Казалось, этих двоих совершенно не заботило мнение окружающих. Какие бы косые взгляды ни бросали на них люди из боевого мира, он их попросту игнорировал. А Янь Цин и вовсе не видел никого, кроме своего спутника.

Внезапно Те Сюаню пришла на ум поговорка: «Луна в полноте клонится к убытку». Глядя на нежность между этими двумя, он ощутил странную, почти мистическую тревогу.

Янь Наньюй дождался, пока Янь Цин уснет, и лишь тогда отошел от кровати. Медленно приблизившись к Те Сюаню, он негромко произнес:

— Я обещал взять тебя в ученики, но до сих пор так ничего тебе и не показал...

Те Сюань торопливо вскочил, освобождая место:

— Брат Янь, признаться, я человек недалекий. Мое единственное умение — ковать мечи, да и тому меня мастер с малых лет учил. Боюсь, талантами я не блещу.

Янь Наньюй едва заметно улыбнулся:

— Это не беда. В боевых искусствах дар, конечно, важен, но чаще всего усердие побеждает слабость. Так в любом деле. Даже самый острый ум без воли и постоянства — ничто.

Те Сюань обдумал эти слова и, найдя их на редкость верными, кивнул:

— Твоя правда, брат Янь. Я мало что смыслю в этих вещах, так что не серчай, если буду тупить.

— И в мыслях не было, — ответил Янь Наньюй.

Он запустил руку в правый рукав и достал шелковый свиток.

Те Сюань с любопытством принял его и развернул. На ткани была изображена человеческая фигура с нанесенными на нее акупунктурными точками и путями движения ци. Тушь была совсем свежей, от свитка исходил густой чернильный аромат.

— Брат Янь, ты что, рисовал это всю ночь? — пораженно выдохнул кузнец.

Янь Наньюй не ответил, лишь наставительно произнес:

— Если обделен талантом, возмещай это прилежанием. Твоя первая задача — вызубрить эту схему. Ты должен знать её так, чтобы она стояла у тебя перед глазами даже с закрытыми глазами.

Те Сюань глянул на скопление мелких точек и линий, и у него тут же зарябило в глазах, а голова пошла кругом. Но, понимая, что Янь Наньюй желает ему добра, он решительно кивнул:

— Не сомневайся, брат Янь, я приложу все силы.

Янь Наньюй одобрительно похлопал его по плечу:

— Я заметил, что последние дни ты забросил упражнения. Пока обстоятельства не позволяют мне лично наставлять тебя в техниках боя, но работу над внутренней силой нельзя прерывать ни на день.

Те Сюань устыдился:

— Признаться, после того как мы покинули деревню, я занимался лишь изредка. Стоит мне начать тренировку, как перед глазами встает мастер, приносящий себя в жертву клинку... Сердце кровью обливается.

Янь Наньюй на мгновение замолчал, а затем негромко сказал:

— Прошлое не вернуть, не терзай себя. Даже если Цинь Вань привел людей к твоему учителю, он действовал как человек учения Тай-и — каждый из них служил своему господину. Трудно сказать, кто тут прав, а кто виноват. Я долго был вдали от мира и не знаю, что из себя представляет это учение, но по лицу Цинь Ваня вижу: он человек холодный и расчетливый. Если ты... действительно отдал ему сердце, мой тебе совет: уйми свои чувства. Ты только измучаешь себя. К тому же, если он не питает к тебе ответного влечения, твое упорство лишь заставит его бежать от тебя еще дальше...

— Я понял, — глухо отозвался Те Сюань.

В груди снова кольнуло, но боль эта уже начала казаться привычной, почти тупой.

Любовь ранит безжалостно. Но если в сердце совсем не останется надежды, жизнь со временем станет невыносимо пресной.

Те Сюань вздохнул. Он знал, что нельзя принудить к любви, но всё равно хотел попытаться — наверное, такова уж человеческая природа. Но между ним и Цинь Ванем пролегла не просто пропасть недопонимания. Их разделяла кровная месть. И пусть Нанью говорил, что это не их личная вина, а долг перед сектой, Те Сюань не мог просто вычеркнуть это из памяти. Даже после того порыва, когда он открылся Цинь Ваню, горечь утраты никуда не исчезла.

Сердце человеческое — клубок противоречий.

— Ладно, не бери в голову, пусть всё идет своим чередом. Но по возможности старайся отдавать все силы тренировкам, — Янь Наньюй взглянул на Янь Цина, который беспокойно ворочался во сне, и подошел к окну, оставив узкую щелку для свежего воздуха. — На самом деле, погружение в боевые искусства приносит своеобразную радость. Совершенствование

внутренней силы помогает забыть о времени и печалях. Когда ты освоишь Канон Сокровенного Льда, многие земные страсти покажутся тебе суетой...

Янь Наньюй замялся, подбирая слова:

— Отец говорил мне, что этот Канон хорош лишь как вспомогательная техника. Он укрепляет основную базу, но не стоит делать его делом всей жизни, иначе... иначе можно лишиться мужского естества.

Те Сюань в изумлении разинул рот, мгновенно забыв о своих страданиях:

— Это как же? Настолько опасная техника?

— Не пугайся, — Янь Наньюй рассмеялся, глядя на ошарашенного кузнеца. — У тебя уже есть подходящий тебе метод сердца. Если перед основным занятием ты будешь делать несколько циклов Сокровенного Льда, результат превзойдет все ожидания. Так что, если надумаешь когда-нибудь жениться, проблем не будет.

Те Сюань густо покраснел и пробормотал под нос:

— Да я и не думал...

— Господин лекарь Янь у себя? — внезапно раздалось из-за двери.

Кузнец вздрогнул. Голос был ему совершенно незнаком, а Те Сюань, привыкший по звону металла определять стадию закалки клинка, обладал феноменальной памятью на звуки. Он был уверен: этого человека нет среди тех, кто собрался внизу.

Голос был странным. В нем слышались и мягкость, присущая женщине, и какая-то бархатистая, магнетическая сила. Будто и не мужской, и не женский — нечто среднее, лишенное четких примет пола.

Те Сюань и Янь Наньюй переглянулись. Лицо Янь Наньюя выражало крайнее недоумение.

Янь Наньюй, хоть и потряс всех своей мощью, не принадлежал ни к какой фракции, и его скорее опасались, чем искали его дружбы. Кто мог прийти к нему сейчас, да еще и величать «лекарем»?

По знаку Янь Наньюя Те Сюань торопливо спрятал шелковый свиток и высунул голову в коридор, снедаемый любопытством. И тут же онемел от изумления.

Янь Наньюй подошел к двери и приоткрыл её:

— Это я.

— Лекарь Янь... — человек за дверью негромко рассмеялся. — Неужто не признали?

— Ты?! — голос Янь Наньюя дрогнул от удивления.

<http://bllate.org/book/17419/1659346>